

Александр Механик

Деятели Февраля скорее пытались погасить революцию, нежели разжечь ее

Известный российский философ и историк русского либерализма Алексей Кара-Мурза видит в Февральской революции трагически неудавшуюся попытку превратить Россию в свободное, демократическое государство, которой страна должна гордиться

Доктор философских наук, заведующий сектором философии российской истории Института философии РАН Алексей Кара-Мурза

Отмечая 8 марта как Международный женский день, мы редко задумываемся над тем, что именно в этот день, 23 февраля по старому стилю, в России началась Февральская революция, или, как теперь говорят, Великая русская революция. То, что она началась именно тогда, было не случайно, потому что в этот день состоялись выступления женщин-работниц против войны, которые начали стихийно перерастать в массовые стачки и демонстрации, а те — в вооруженное восстание. Завершилась революция крахом монархии и формированием Временного правительства, во главе которого встал известный земский деятель князь Львов. Ведущую роль в нем играли историк, лидер партии конституционных демократов (кадетов) Павел Милоков, ставший министром иностранных дел, и председатель Центрального военно-промышленного комитета Александр Гучков, лидер «Союза 17 октября» («октябристы»), занявший пост военного и морского министра. Все

они — убежденные либералы, стремившиеся к превращению России в государство свободы и демократии. Еще в советское время вокруг и самого Временного правительства, и его деятелей возник миф (который существует до настоящего времени и даже крепнет) о некой «интеллигентской» слабости этих людей, сначала ввергших страну в хаос, а потом оказавшихся неспособными навести порядок. Но жизнь значительно сложнее примитивных мифов и схем.

Кем же на самом деле были эти люди? Об их взглядах, устремлениях и трагической судьбе мы беседуем с доктором философских наук, заведующим сектором философии российской истории Института философии РАН **Алексеем Кара-Мурзой**. Алексей Алексеевич много лет руководит историко-просветительскими и мемориальными проектами в честь выдающихся либералов России более чем в сорока регионах России и является президентом Национального фонда «Русское либеральное наследие».

— *Считается, что Февральская революция по своему идейному посылу была либеральной. Насколько оправданна такая оценка и что либерального она несла?*

— Февральская революция 1917 года была общедемократической по своему содержанию и ее поддержало абсолютное большинство народа. Сбылось пророчество историка Василия Осиповича Ключевского, который еще после расстрела мирной демонстрации в «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года публично сказал с кафедры Московского университета: «Всё. Николай — последний русский царь. Алексей царствовать не будет». Наследнику-цесаревичу было тогда полгода... Действительно, власть весной 1917 года на первых порах оказалась в руках людей, которых принято называть либералами. Парадокс в том, что эти люди — князь Георгий Львов, октябрист Александр Гучков, кадеты Павел Милюков, Владимир Набоков и их товарищи — принципиально отрицали революцию как способ решения российских проблем. Они всю жизнь были либералами-реформистами. Вся плеяда деятелей Февраля — прямое порождение реформ Александра Второго, когда в России зародился новый тип элиты — не назначаемой сверху начальством, а выбираемой снизу обществом. Многолетняя работа «на виду у людей» — либо в земском и городском самоуправлении, либо на выборных должностях в общественных организациях — стала залогом разумной умеренности их политических взглядов.

В свое время князь Петр Вяземский, характеризуя политические взгляды своего друга Пушкина, назвал его «либеральным консерватором». Это понятие потом развил философ и правовед Борис Чичерин, а позже и политик Петр Струве. Что означает это определение — «либеральный консерватор»? Если ты хочешь больше свободы, делай это осторожно, постепенно, чтобы не растерять то хорошее, что уже есть. В борьбе за свободу ты должен не растерять ту свободу, которая, пусть в усеченном виде, уже существует. Это с одной стороны. А с другой — ты должен быть еще и своего рода консерватором: беречь и развивать свою традицию — для русских либералов начала двадцатого века такой традицией были «великие реформы» Александра Второго и собственный опыт в земском движении и первых государственных думах. В этом и была суть взглядов тех людей, которые возглавили Россию после Февральской революции. Все ее ведущие деятели были политиками именно такого толка. Либералы Февраля были в большинстве своем англоманами, стремящимися реформировать российскую монархию на английский манер.

— *Сделать ее символом.*

— Символом, да. Представляет, но не правит. А правит министерство народного доверия, опирающееся на народное представительство. «Исполнительная власть да покорится власти законодательной!» — это старый тезис «перводумца» Владимира Набокова, занявшего после Февраля пост управляющего Временного правительства, стал основой либеральной политики по подготовке максимально демократических выборов в Учредительное собрание. Разумеется, либералы отлично понимали, что всеобщие выборы в крестьянской по преимуществу России приведут к власти более левые силы (тех же эсеров), и Учредительное собрание наверняка провозгласит республику. Однако, повторяю, либеральным идеалом в России долгое время оставалась именно конституционная монархия. В принципе, думская монархия была формально провозглашена у нас конституцией 1906 года, составленной еще Сергеем Витте. Однако хорошо известно, что царь, не перестававший считать себя самодержцем, а равно и правящая «охранительная партия» постоянно пытались ограничить конституционные права народного представительства. Охранителям не пришлось по душе даже «реформы сверху», предложенные Петром Столыпиным. Они откровенно радовались, когда осенью 1911 года

Столыпина убили. Николай Второй, к несчастью для России, остался лидером охранительного лагеря, а не реформистского. Мировая война и «распутинщина» окончательно обескровили монархию. Ее крах стал лишь вопросом времени. Либералы оказались первыми в очереди тех, кто подобрал власть. Нечто подобное в свое время случилось во Франции, во времена Великой революции. Деятели российского Февраля можно сравнить с французскими жирондистами.

— *Даже, наверное, не с жирондистами — скорее, с людьми типа Мирабо.*

— Можно и так сказать. Граф Мирабо, кстати, тоже до конца оставался монархистом и ясно видел опасность ниспровержения существующего строя раньше, чем созданы основы нового. Его счастье, что он не дожил до якобинского террора, — быть бы ему на гильотине. Во Франции ни Мирабо, ни жирондисты, ни Дантон не смогли уберечь страну от радикализации революции — не получилось. Революция не удержалась в конструктивных рамках, а, будучи раскогегаренной, ушла далеко влево — к Робеспьеру, Марату и якобинской террористической диктатуре. А у нас, в России, — к большевикам-ленинцам.

— *Все-таки Февраль был задуман как революция? Или думали просто ограничиться сменой царя?*

— Самодержавие, конечно, надо было ограничивать — оно прямо вело страну к катастрофе. Планировался верхушечный, аккуратный маневр в условиях мировой войны, с опорой на элиту и большинство в обеих палатах парламента (так называемый оппозиционный блок). Что такое элита во время войны? Это генштаб, командующие фронтами, которые все поддержали отречение Николая. Более того, так называемую революцию поддержала и часть монархистов, и даже члены царской фамилии. За два месяца до Февраля среди убийц ненавидимого всей страной царского фаворита Григория Распутина были, как известно, ультраправый Владимир Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович (двоюродный брат царя). А один из лидеров националистов Василий Шульгин, как известно, был одним из тех, кто принимал отречение Николая.

— *Видимо, почва была готова именно для революции.*

— Да, народные настроения, как и предсказывал Василий Ключевский, оказались готовы именно к революционному взрыву. В русской эмигрантской историософии стала популярной идея, что в каком-то высшем, сверхисторическом смысле русский Октябрь предшествовал Февралю, а не наоборот. А деятели Февраля скорее пытались погасить революцию, нежели разжечь ее. Мировая история показывает, что революцию снизу всегда провоцирует реакция сверху. Когда охранители столько лет не допускают реформ, блокируют всякую общественную самоорганизацию, реформистам потом очень трудно удержать ситуацию под контролем. Никакого плана обрушить русскую государственность у деятелей Февраля, разумеется, не было. Тезис, что «это либералы развалили Россию» (на нем сошлись и охранители, пытающиеся сбросить с себя вину за русскую катастрофу, и большевики), я категорически отвергаю. Настоящие либералы, какими были и князь Львов, и Милюков, и Гучков (ни один из них, кстати, никогда не был масоном — еще одна расхожая «страшилка»), хотели именно реформировать Россию. В умах русских борцов за свободу они и останутся символами русской свободы и ее мучениками. Плясать в дни исторических юбилеев на их костях — это самое глупое и бесчестное, что только может быть. Во Франции именно Мирабо и Дантон остаются символами народного порыва к свободе — в каждом французском городе непременно есть памятники, увековечивающие их имена. Именно на именах Мирабо и Дантона держится демократическая идентичность французской нации. А вот Марата или Робеспьера французы считают «чудовищами» и террористами, извратившими понятие свободы. Их задвинули в самый дальний угол французской истории. Заметьте, у нас

Министр-председатель Временного правительства князь Георгий Львов

Военный и морской министр Временного правительства Александр Гучков

в России всё наоборот. Памятниками нашим отечественным «робеспьерам» до сих пор уставлена вся страна, а именами доморощенных «чудовищ» — от Володарского до Землячки — до сих пор называются сотни улиц и площадей. С другой стороны, попробуйте представить, что те же французы, вспоминая свою революцию, говорили бы: «Свобода, равенство, братство — это все чепуха. Не надо было делать революции». И при этом с ностальгией славословили бы последних Людовиков и канонизировали «невинноубиенных» членов королевской семьи. И, если продолжать аналогию, ставили бы во Франции, например, монументы инициаторам Варфоломеевской ночи... А у нас, в России, оказывается, и сегодня можно ставить памятники не только Ленину, но и Ивану Грозному, да еще в год 250-летия Николая Карамзина, для которого моральное осуждение «царя-Ирода» было главной идеей его «Истории государства Российского». И при этом о таком человеке, как князь Георгий Евгеньевич Львов — первый председатель Временного правительства, почти не вспоминают...

— Почему в феврале 1917-го именно князю Львову доверили высший пост?

— Род Львовых — один из старейших русских княжеских родов, ведущий свое начало от легендарного Рюрика. Князь Георгий Львов окончил юридический факультет Московского императорского университета. В течение пятнадцати лет, вплоть до избрания депутатом первой Государственной думы в 1906 году он проработал гласным Тульского губернского земского собрания: стал глубоким специалистом-практиком в области народного образования, здравоохранения, аграрной политики. В 1903 году князь Львов был избран председателем Тульской губернской земской управы, а с началом Русско-японской войны стал заметной фигурой в общероссийской политике. Когда десятки губернских земств высказались за участие в помощи раненым на фронтах Маньчжурии, князь Львов был избран главноуполномоченным общеземской организации, которая сумела наладить деятельность земских лазаретов, перевязочных пунктов, походных кухонь. Находясь во главе трудного и ответственного дела, князь проявил организаторский талант, практическую хватку и огромную работоспособность. По возвращении в Москву в октябре 1904 года он стал одним из подлинных героев русского общества, символом того, как общественный деятель, опирающийся на народную поддержку, может оказаться намного эффективнее бездарных правительственных назначенцев.

В 1913 году князь Львов победил на выборах московского городского головы, но не был утвержден в должности Министера-

вством внутренних дел. А в июле 1914 года, на учредительном съезде Всероссийского земского союза, созданного для помощи армии в условиях надвигающейся мировой войны, Львов был избран его лидером. Люди, наблюдавшие его в те месяцы, отмечали, что князь был живым и вдохновляющим центром работы, душой земского объединения, вызывая у своих сотрудников обожание и преклонение. Уже в первые месяцы войны активно приступили к работе отделы Земского союза: центральный склад, отдел санитарных поездов, отдел по приему пожертвований, медицинский, эвакуационный и так далее. Почитайте многочисленные мемуары тех лет, и вы увидите, что аналогичная работа, которую пытались наладить правительство, была совершенно неудовлетворительной. Именно общественная гражданская организация, которую возглавлял князь Львов, показала свою эффективность. Сравните фигуру энергичного князя Георгия Львова с фигурами престарелых премьеров правительства, назначаемых царем по наущению Распутина: Горемыкина или Штюрмера, — и вы поймете, почему общественные симпатии были полностью на стороне князя-земца. Так что назначение князя Георгия Евгеньевича Львова председателем первого Временного правительства было вполне обоснованным.

— Влиятельным деятелем Февральской революции считается и Александр Гучков, ставший военным министром...

— И этому есть объяснение. Биография Александра Ивановича Гучкова необычна. В шестнадцать лет, будучи гимназистом, порывался бежать в Англию, чтобы убить премьер-министра Дизраэли — за его антирусскую политику, за «позорный», как тогда казалось, исход Берлинского конгресса 1878 года. Купил револьвер, учился стрелять, но доверился брату, тот сообщил родителям — и все сорвалось. Окончил гимназию с золотой медалью, а затем, тоже с отличием, — историко-филологический факультет Московского университета. Но карьера профессора-историка его не прельщала, и Гучков определился в лейб-гвардию, откуда ушел в запас прапорщиком. Продолжил обучение в Берлине и Вене. Вернувшись на родину, отличился в борьбе общественников с голодом в Поволжье, за что был награжден орденом. Путешествовал в Китай, Монголию, Тибет, участвовал в англо-бурской войне на стороне свободолюбивых буров. Был ранен. На японской войне был главноуправляющим Красного Креста, попал в плен. Ставший в России человеком-легендой, активно включился в политику: возглавил праволиберальную партию «Союз 17 октября», был лидером думской фракции, председателем Третьей Государственной думы. С середины 1915 года Гучков — глава Центрального военно-

Министр иностранных дел Временного правительства Павел Миллюков

промышленного комитета, координирующего распределение государственных военных заказов частным предприятиям под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» На этом посту он увидел всю неспособность высшей власти вести «войну до победного конца», честно выполнять обязанности перед народом. Это Александру Гучкову принадлежит знаменитый парадокс: «Мы вынуждены были отстаивать авторитет власти против самих носителей этой власти...» В истинном патриотизме и военной компетентности Александра Ивановича Гучкова не может быть ни малейших сомнений...

— *И наконец, что можно сказать еще об одном члене «февральского триумвирата» — Павле Миллюкове, ставшем министром иностранных дел?*

— Павел Николаевич Миллюков тоже окончил истфак Московского университета. Начало нового века он встретил, имея авторитет интеллектуала-эрудита, одаренного оратора, талантливый публициста и одновременно энергичного борца с режимом. Его безусловный авторитет и в интеллигентской среде, и среди земцев-практиков обеспечил Миллюкову руководящее место в Конституционно-демократической партии — ведущей политической организации либеральной оппозиции. Это было уникальное политическое образование, собрание ярчайших индивидуальностей — профессиональных юристов, историков, земцев-практиков. Отмеченная многими современниками миллюковская толерантность к внутрипартийным различиям во многом проистекала из его же общеисторической концепции. Европейская «ткань», европейская политико-интеллектуальная среда по определению не могут быть однородны. Европеизм предполагает непереносимое наличие оттенков, зачастую — противоречий. Многолетняя работа Миллюкова как лидера-вождя и одновременно внутрипартийного примирителя по-своему уникальна.

Вообще, для русских либералов начала двадцатого века, желающих активно участвовать в политике, было очень непросто удержаться в центре между примиренчеством с режимом и революционностью. В этом смысле политическое поведение Миллюкова в течение многих лет было последовательно и принципиально. Историческое знание европейского опыта говорило ему, что «третий путь» между реакцией и революцией не только необходим (что постулировала либеральная теория), но и возможен. А следовательно, этот срединный путь должен быть практически найден и в России, и последовательное выдерживание его есть главный приоритет партийной политики. Наилучшим индикатором политической умеренности и рассудительности

Миллюкова является его поведение в дни Февральской революции. Второго марта 1917-го Николай Второй, как известно, отрекся от престола в пользу брата Михаила, а не сына Алексея, как рассчитывали принудившие его к отставке представители Думы. Это меняло дело принципиальным образом. Шансы «республиканцев» в оппозиционном лагере серьезно возросли. Парадоксально, но среди лидеров оппозиции (в самом широком диапазоне — от левых Керенского и Некрасова до правых типа Родзянко) Миллюков оказался одним из немногих, кто встал на защиту конституционной монархии. По рассказу очевидцев, Миллюков несколько дней до хрипоты убеждал великого князя Михаила Александровича занять престол после отречения брата. По мнению Миллюкова, сохранение монархического строя (по крайней мере, на переходный период) необходимо, иначе Временное правительство рискует стать «утлой ладьей», которая может потонуть в океане народных волнений и не довести страну до Учредительного собрания. Сильная власть, необходимая для укрепления нового порядка, утверждал Миллюков, нуждается в опоре на привычный для масс символ власти. В противном случае крайне вероятно утрата всякого «государственного чувства» и полная анархия. Так, собственно, и произошло.

— *Как министра иностранных дел Временного правительства Миллюкова часто обвиняют в затягивании непопулярной войны...*

— ...То есть в ставшей якобы неуместной верности союзническим обязательствам. Другими словами, Миллюкова обвиняют в том, что он не оказался... Лениным. У Миллюкова была своя последовательная логика. Как глава внешнеполитического ведомства, он лучше других понимал невозможность бесконфликтного одностороннего выхода России из войны. Разрыв с союзниками мог лишь еще более осложнить положение. Возвращенные с фронта миллионы солдат могли стать источником окончательной дестабилизации. С другой стороны, только отмобилизованные и еще сохранявшие дисциплину фронтовые части были способны противостоять разлагающему влиянию политизированных столиц. Иначе говоря, пребывание в состоянии войны (при всех очевидных издержках и рисках) представлялось Миллюкову «меньшим злом» и более надежной тактикой для сдерживания главной опасности — народной стихии. Своим коллегам по правительству министр говорил: «Революция должна быть стиснута, пока ее нельзя прекратить, стиснута именно военной обстановкой».

— *Был ли «февральский режим» изначально обречен?*

— Занимаясь той эпохой, я часто думаю над этим. Сегодня мне все более кажется, что история, в том числе история России, полна неожиданностей, случайностей и импровизаций. Деятели Февраля, несомненно, проиграли. Но можно ли считать их историческими неудачниками? Можно ли во Франции считать «неудачниками» Дантона и Камилла Демулена? Ведь их послал на гильотину бывший лучший друг... Сыграли, конечно, свою роль феноменальное политическое чутье и тактический гений Ленина и Троцкого. Но ведь чуть позже, в августе-сентябре 1919-го, все шло к тому, что Деникин возьмет Москву и большевистский режим падет — коммунистическое руководство уже начало эвакуацию в Вологду. И тогда бы в нашей истории «красный террор» стал бы трагическим, но кратким эпизодом типа «якобинской диктатуры» во Франции. А Георгия Львова, Павла Миллюкова и Александра Гучкова сегодня изучали бы в русских школах, как в американских школах изучают Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона и Бенджамина Франклина.

Мне все больше кажется, что «неудачники» — не деятели русского Февраля, а те, кто по-прежнему плохо знает русскую историю и упорно не хочет по-настоящему глубоко осмыслить ее уроки.

■ Рисунки сделаны Ю. Станишевским и Е. Шелкун по заказу фонда «Русское либеральное наследие»